

LUDMIŁA ŁUCEWICZ

Uniwersytet Warszawski

 ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6340-2598>

Ludmiła Mnich, *Шекспир в русской теории первой половины XX века*, Wydawnictwo Naukowe Instytutu Kultury Regionalnej i Badań Literackich im. Franciszka Karpińskiego, Siedlce 2019, 264 s.

Монография Людмилы Мних посвящена проблемам теоретического восприятия Шекспира русской культурой первой половины XX в., парадигму которой составляют русское литературоведение, религиозная философия, эстетика и критика символизма, концептуальная база формализма. Исследовательницу в равной степени интересуют как влияние Шекспира на русских теоретиков, так и влияние русской теории на понимание и интерпретацию самого Шекспира в движении времени. В указанном аспекте «шекспировский дискурс» ранее не рассматривался: автор монографии поставил оригинальную научную проблему и предложил адекватные пути для ее решения.

Структурно монография состоит из *Предисловия*, *Введения*, пяти глав, итогов, библиографии, указателей, аннотаций, а также *Приложения*, посвященного русским переводам 129 сонета Шекспира (этот сонет специально рассматривается в пятой главе книги). **Общая методологическая установка** исследования отражает идеи интертекстуальности и междисциплинарности, поскольку в русской культуре первой половины XX века Шекспир был объектом значимых теоретических размышлений русских философов, теологов, социологов, психологов и собственно теоретиков литературы.

Во *Введении* (с. 8–37) специально оговаривается вопрос о так называемой русской теории, который активно дискутируется в последнее десятилетие в русском литературоведении (см. нр.: *Русская теория: 1920–1930-е годы*, Москва 2004; *Русская интеллектуальная революция 1910–1930-х годов*, Москва 2016; *Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание*, Москва 2017). На основе изучения научных исследований, автор констатирует наличие двух подходов в интерпретации понятия «русская теория»: с одной стороны, это опыт теоретической интерпретации концепций русского

формализма, с другой — практически все интеллектуальные практики первой половины XX века. Людмила Мних использует оба подхода, но преимущественно опирается все же на понятие «русская теория» в его более узком ракурсе, сосредоточиваясь на мыслительной рецепции Шекспира и его влиянии на важнейшие теоретические идеи и концепции в русской гуманитарной культуре первой половины XX века. Автором рассмотрены основные проблемы шекспировского дискурса в России, описаны методология и терминология исследования. Исследовательница подчеркивает, что в монографии «проблема *русской теории* в ее отношении к текстам Шекспира интерпретируется прежде всего в двух аспектах: 1) русская теория как ‘вербально артикулированные формы рациональности’ представителей русской интеллектуальной мысли, отражающие мышление россиян о России, мире, религии и истории и 2) русская теория как собственно русская теория литературы» (с. 16). Изучив огромный пласт научной литературы, Людмила Мних обнаружила, что ее предшественники поставили основные акценты прежде всего на проблеме восприятия английского драматурга русскими литераторами (среди которых Виссарион Белинский, Иван Тургенев, Лев Толстой и др.), а также на вопросах художественного перевода. Богатейший же материал, содержащий рецепцию Шекспира русскими интеллектуалами — философами, историками, социологами, политиками, теоретиками литературы и культуры, до сих пор в полной мере не выявлен, не изучен, не систематизирован. В своей монографии Людмила Мних акцент сделала на «другом полюсе рецепции, связанном с Шекспиром как отправной точкой русского осмысления Европы и мира, феномена литературы, но самое главное и прежде всего — самой России, русских и их (русских) отношения к жизни во всех ее проявлениях» (с. 35). Означенная тенденция свидетельствует как о новом подходе к многозначному шекспировскому дискурсу, так и, несомненно, об актуальности предпринятого исследования.

Первая глава — *Шекспировский дискурс русской теории и западное шекспироведение XX века* (с. 38–69), посвящена проблеме русской теории как определенной научной парадигме в современном гуманитарном мышлении, а также русскому и западному шекспироведению XX века. Автор анализирует историю появления понятия «русская теория» и его соотношение с понятием «французская теория», вбирающим в себя широкую когнитивную деятельность. В этой же главе рассмотрено место Шекспира в современном англоязычном и русскоязычном научных дискурсах, влияние Шекспира на русскую философскую, литературоведческую и эстетическую мысль. Особое внимание уделено резонансным дискуссиям и хрестоматийным текстам о Шекспире в России XIX века, а также на политизации шекспировского дискурса в России после 1917 года, когда английский драматург был «приобщен» к строительству нового советского общества.

В следующей главе – *Шекспир в русском литературоведении первой половины XX века* (с. 70–122), Автор монографии сосредоточился на литературно-теоретических проблемах, которые русские филологи первой половины XX века связывали с Шекспиром. Людмила Мних анализирует обращения к Шекспиру представителей исторической (Александр Веселовский) и теоретической поэтик (Александр Потебня), публикации известных русских шекспироведов конца XIX – начала XX века (Николай Стороженко, Александр Смирнов, Леонид Пинский), русских филологов (Фаддей Зелинский, Петр Бицилли), а также представителей новой политической элиты в Советской России (Анатолий Луначарский). Специальное внимание в этой главе отведено классику русской теоретической мысли – Михаилу Бахтину и его шекспировскому дискурсу, а также обращению к Шекспиру видных русских теоретиков театра того времени (Всеволод Мейерхольд). Исследовательница подчеркивает, что анализ материала позволяет определить важнейшие тенденции, определившие восприятие Шекспира русской теорией: 1) адаптация текстов английского драматурга к существующим научным парадигмам, 2) своеобразное «усвоение» Шекспира русской религиозной философией и русским символизмом, 3) «использование» Шекспира представителями русского формализма «в личных целях» для подтверждения собственных выводов и концепций (с. 69).

Этим трем тенденциям посвящены три следующие главы монографии: в третьей главе – *Шекспир в русской религиозно-философской мысли Серебряного века* (с.123–151), рассмотрен шекспировский дискурс Федора Степуна, Павла Флоренского, Льва Шестова и Алексея Лосева. Четвертая глава – *Шекспир в эстетике и литературной критике русского символизма* (с. 152–186), представляет шекспировский дискурс русских символистов: Александра Блока, Вячеслава Иванова, Андрея Белого, Дмитрия Мережковского. В главе пятой – *Шекспир в осмыслении представителей русского формализма* (с. 187–216), автор сосредоточен на рецепции Шекспира русскими формалистами – Борисом Эйхенбаумом, Юрием Тыняновым, Виктором Шкловским, Романом Jakobсоном, которые опирались на основные положения формальной школы и ее терминологию.

В рецензируемой книге затронуты не только значимые теоретические проблемы, но и представлен широкий исторический, философский, этический контекст, обусловленный русской рецепцией Шекспира. Так, например, автор убедительно демонстрирует, как шекспировский дискурс русских религиозных философов вступает в дискуссию с известным моральным императивом Иммануила Канта или с философией Фридриха Ницше в России начала XX века; показывает в связи с Шекспиром со- и противопоставление античной и христианской нравственности в новых идейных координатах времени; фик-

сирует значимость для русских символистов великих шекспировских героев, таких, как Гамлет, король Лир, Макбет и др., которые становились предметом не только этических и эстетических толкований, но и эпохальных политических трактовок и размышлений о судьбах России после 1917 года; наблюдает за процессом становления магистральной проблематики русских символистов, связанной с рецепцией Шекспира, и ее движением на уровень разграничения творчества научного и художественного; **а в штудиях формалистов выявляет «сумму приемов» Шекспира, организованных так, что создают своими взаимоотношениями все новые и новые приемы, образуя, таким образом, явление стиля.** Автор монографии, рассмотрев шекспировский дискурс русской теории в изначально намеченных четырех основных измерениях (литературоведение, религиозная философия, символизм, формализм), приходит к заключению, что в целом русская рецепция английского драматурга обладает собственной парадигмой, где «с одной стороны, Шекспир осмысливался в сфере литературоведческой науки, и русский формализм в этом отношении интересовался Шекспиром почти исключительно в плане литературоведческом. Другой полюс представляется русская религиозная мысль, шекспировский дискурс которой является не литературоведческим, а собственно философским» (с. 223). «Срединное место в этом ряду, — считает Автор, — занимают русские символисты, которые в своих текстах затрагивали одновременно как литературно-теоретические, так и религиозно-философские проблемы, связанные с шекспировскими мотивами, образами и символами»; «именно символисты открыли и ‘оправдывали’ те мистические аспекты в творчестве английского драматурга, которые обычно отрицались официальным (уже ‘марксистским’) литературоведением тех лет» (с. 223).

Глава *Итоги и перспективы исследования* (с. 217–223), завершая работу в целом, содержит такой общий вывод: «Шекспир оказался причастным ко всем важнейшим сферам: от науки и искусства до политики и повседневной жизни, поэтому его творчество символизировало диалог России с Западом и одновременно служило материалом для самопостижения и самопонимания» (с. 223). Книга Людмилы Мних, включая обширный материал по истории русской рецепции Шекспира, являет собой опыт нового прочтения и систематизации этого материала. Научная новизна и ценность книги бесспорны: монография свидетельствует о плодотворной «зависимости» русской теории от восприятия Шекспира в России; и эта «зависимость» продемонстрирована достаточно широко, глубоко и полно.

Книга будет полезна всем гуманитариям, интересующимся проблемами развития и взаимодействия культур.